

УДК 82.091(=1.4)/(=1.9)

**ТАКТИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ БОРЬБЫ ЗА РОССИЙСКИЙ ИМИДЖ
В КОНТЕКСТЕ ВНУТРИНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ПОЛЕМИКИ СЕРЕДИНЫ XIX В.**

Орехов В. В.

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь
e-mail: v-orehov@mail.ru

В статье рассматриваются особенности формирования русской литературой середины XIX в. текста «ответной рецепции», ставшего реакцией российского общества и русской литературы на европейский текст о России. Несхожесть тактических приемов, выработанных русскими литераторами для коррекции зарубежного имиджа России, рассмотрены в контексте мировоззренческих противоречий российской общественной и литературной жизни обозначенной эпохи. Подходы в коррекции российского имиджа, предлагаемые русскими литераторами, зависели от литературных и политических авторских пристрастий. Так, официальная литература приносила в имагологический дискурс элементы государственной идеологии; славянофилы сосредоточивались на поиске в иностранном тексте о России извечной предвзятости, фатальной ненависти и искаженных фактов; западники, напротив, даже признавая мифологичность европейского восприятия России, стремились обнаружить в этом тексте объективное критическое начало, которое, по их мысли, могло бы быть полезным для осмысления российской действительности. В рамках разных идеологических парадигм создавались несхожие тексты «ответной рецепции», которые, тем не менее, сливались в единый общенациональный текст в защиту европейского престижа России.

Ключевые слова: имагология, текст, ответная рецепция, национальный имидж.

ВВЕДЕНИЕ

С начала XIX в. зарубежный текст о России превратился в один из важнейших объектов российской «национальной рефлексии». Закономерно, что русская литература включилась в этот процесс и активно генерировала отклики (тексты «ответной рецепции») на факты инонациональной рецепции России. В результате между русской и европейской литературами XIX в. существовал перманентный диалог по поводу российского имиджа (т. н. «имагологический диалог»). Однако было бы упрощением представлять эту ситуацию в виде самодовлеющего процесса, который сводился к упорядоченной межлитературной циркуляции имагологических суждений. Дело в том, что русско-европейский диалог о российском имидже осуществлялся в условиях острой литературной борьбы внутри самой русской литературы. А как следствие: ответы русской литературы на иностранные мнения о России зачастую «конфликтовали» между собой, производя впечатление смыслового

диссонанса. Чтобы объяснить природу этих разногласий, необходимо увидеть русский текст «ответной рецепции» сквозь призму внутринационального идеологического противостояния той эпохи.

Цель настоящей статьи – доказать зависимость русско-европейского имагологического диалога от особенностей конфликта мировоззренческих позиций в русской литературе XIX в. При этом необходимо решить следующие **задачи**: выявить тексты «ответной рецепции» русской литературы, путем сопоставления обнаружить содержащиеся в них принципиальные противоречия, соотнести эти противоречия с внутринациональной литературно-идеологической полемикой. **Объект** статьи – текст «ответной рецепции» русской литературы XIX в., **предмет** – особенности внутрилiterатурных противоречий, воплощенные в тексте «ответной рецепции». В перспективе результаты статьи могут быть применены в решении актуальных вопросов литературной компаративистики.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Вопрос о формировании общенациональной позиции в отношении европейского имиджа России остро стал перед русской литературой еще в XVIII в. В условиях относительного идеологического единства и на базе мировоззренческих установок, присущих эпохе классицизма, эта задача решалась по довольно простому сценарию: литература моделировала ситуации и характеры, способные служить неким образцом поведенческой тактики. Пожалуй, наиболее авторитетным образцом для европейской репрезентации России в конце XVIII в. стал «русский путешественник» Н. М. Карамзина, показавший российскому читателю, как следует «делать честь своему отечеству» [16, с. 225], странствуя по Европе.

Однако к середине XIX в. мировоззренческие противоречия в российской общественной и литературной жизни сильно обострились. Российская аудитория была разделена на группы и лагеря точно так, как разделена была сама литература. А потому внутрилiterатурный (внутринациональный) диалог по поводу того, как же стоит отвечать иностранцам на их «сказания» о России, зачастую превращался в горячую полемику.

Так, в 1858 г. «Современник» опубликовал критическую статью о книге А. А. Гаряйнова «Что такое г. Тьер и нашествие его на Россию» [11], которая, в свою очередь, являлась критическим разбором труда французского историка о войне 1812 г.

Статья в «Современнике» не подписана, но принадлежала она Добролюбову [5, с. 338]. Автор рецензируемой брошюры, А. А. Гаряйнов – ныне забытый публицист. «Человек 1812 года» (как себя характеризовал Гаряйнов), он, кажется, начиная с эпохи взятия Парижа, интересовался отзывами иностранцев о России. В 1825 г. им опубликовано стихотворение «Воззвание парижан к нашему царю. 1815» [7]. В эпоху Крымской войны Гаряйнов был автором военных газетных передовиц: в них был и искренний запал, и обостренное чувство патриотизма, и оперативность. Он писал тогда в «Северную пчелу» статьи почти о каждом крупном военном событии и почти сразу переиздавал эти статьи в виде отдельных брошюр [8-10]. Военная ситуация оправдывала несдержанность в выражениях, декларативность, обилие лозунгов, приверженность официальной позиции, но в обновленных исторических условиях середины XIX века это начинало возбуждать раздражение новой критики.

Вернемся к брошюре Гаряйнова «Что такое г. Тьер...». Разоблачительный пафос автора выражался уже в названиях разделов: «Мелкие грехи г. Тьера»; «Крупные грехи г. Тьера»; «Г. Тьер весь налицо»; «Апофеоза г. Тьера». Между тем, Н. А. Добролюбов, иронизируя над А. Гаряйновым, цитирует его «опровержения». На замечание Тьера о неверии Кутузова в Божию Матерь и в Бога, Гаряйнов «горячо и благородно, – пишет “Современник” – защищал память великого полководца от нелепого и ужасного обвинения Тьера», и далее доводы Гаряйнова: «Фельдмаршал не был ханжа, но был хороший христианин в духе православной католической церкви, по старине. В этом убеждена вся Россия, и поручатся все, его знавшие. Могли князь, особенно, не веровать Владычице Небесной, он, добрейший из людей, надежный друг, преданный, родной и нежный отец! Все эти качества в человеке как-то еще больше располагают молиться Пречистой Деве, представительнице чистой любви Небесной. Образ Божией Матери даже в походах не оставлял его, и он будто Ей не веровал!» [14, с. 60]

Постепенно ирония статьи «Современника» усиливается. «К удивлению и к сожалению нашему, – замечает критик, – г. Гаряйнов принял грубый, раздраженный тон, допустил несколько выходов не совсем деликатных. Так, защищая Баркляя-де-Толли, г. Гаряйнов говорит: “что кому за дело до происхождения чьего-нибудь?” А между тем сам же он “знакомство с Тьером” начинает с того, что “отец его (Тьера – В. О.) был мастеровым, а сестра содержала обеденный стол по два франка с половиною с персоны”. <...> Гаряйнов упрекает Тьера за то, что он назвал Кутузова, между прочим, *кривым* (что, в сущности, вовсе и не обидно). Господин Гаряйнов справедливо замечает, что выставлять на вид телесные недостатки человека – неблагородно. А между тем, сам же г. Гаряйнов издевается над малым ростом Тьера. Упрекая его за преувеличенное показание потери русских в битве при Молодечно, г. Гаряйнов так говорит: “что за кровожадный человек этот г. Тьер: только и думает, как бы поболее перебить народу, а посмотреть на него, – в среднюю шеренгу внутренней стражи нельзя поставить; но чему дивиться – крошечные собачки всегда бывают очень злы”» [14, с. 61, 64].

«Современник» подмечает, что порою Гаряйнов «увлекается до того, что забывает сказать настоящее опровержение Тьеру и ограничивается восклицательным знаком и обращением вроде следующего: «Люди 1812 года! Скажите этому г. Тьеру, что он бессовестно и бесстыдно клеветает!» [14, с. 62]

Тон статьи превращается в совершенно уничтожающий, когда речь заходит о заявлении Гаряйнова, что книга его «должна перевестись на иностранные языки и пошлется в чужие края». На что критик замечает: «Не лучше ли не делать этого? Нам кажется, что она может более повредить делу, нежели защитить его» [14, с. 63].

«Современник», откровенно потешаясь над брошюрой Гаряйнова, выбирает предметом критики манеру автора, а не цель его сочинения. Н. А. Добролюбов не хотел бы допустить, чтобы российская сторона была представлена столь неискушенным полемистом. Впрочем, не только – неискушенным. Корреспондент «Северной пчелы», Гаряйнов воспринимался как выразитель официальной точки зрения. Открыто спорить с такими литераторами допускалось далеко не всегда.

Скажем, А. В. Дружинин, ознакомившись с опровержением Н. И. Греча на скандальный антироссийский памфлет Кюстина «Россия в 1839 году», записал в дневнике: «Эта рецензия далеко не так подла, как заставляет предполагать имя Греча <...>» [15, с. 298]. Мог ли Дружинин высказать это мнение публично, когда даже имя Кюстина было запрещено упоминать в печати? А вот дневниковая запись Герцена о той же книге Греча: «Гречева защита государя против Кюстина факт поразительный, – она обвиняет правительство гораздо хуже Кюстина тоном апологии <...>. Явная ложь, наглые презрительные ссылки на дела, всем известные и представленные совсем иначе, рабский, холопский взгляд и дерзкая фамильярность <...>. Нигде не защищает он России, он говорит только о лице государя, оправдывает его <...>» [12, с. 155]. Так полемика с официальными источниками и с «защитниками» России чаще всего велась на уровне потаенных записей и откровенных бесед в узком кругу.

Впрочем, основное литературное противостояние (во всяком случае, открытое противостояние) по поводу тактики «ответной рецепции» возникло между западниками и славянофилами. Как две эти партии разделились между собой на основе разности представлений о прошлом и будущем России, о необходимости или вреде подражания Западу и т. д., точно так же они разошлись во мнениях, каким образом следует русским защищать свой зарубежный имидж. Проблема европейского имиджа России настолько близко соприкасалась с идеологической системой славянофилов, что могло создаться впечатление, будто именно негативные суждения европейцев о России и стали импульсом возникновения славянофильского мировидения. Достаточно вспомнить героя повести В. А. Соллогуба «Тарантас» Ивана Васильевича, чьи патриотические «убеждения» зародились во время путешествия за границу. «<...> Иван Васильевич замечал, – пишет Соллогуб, – что, куда бы он ни показался, в какую землю бы он ни приезжал, – на него смотрят с каким-то недоброжелательным завистливым вниманием. Сперва приписывал он это личным своим достоинствам, но потом догадался, что Россия занимает невольно все умы и что на него так странно смотрят единственно потому, что он русский. Иногда за табльдотом делали ему самые ребяческие вопросы: скоро ли Россия завладеет всем светом? правда ли, что в будущем году Цареград назначен русской столицей? Все

газеты, которые попадались ему в руки, были наполнены соображениями о Русской политике. <...> Каждый день выходили из печати глупейшие насчет России брошюры и книги, написанные с какой-то лакейской досадой и ровно ничего не доказывающие, кроме бездарности писателей и опасений Европы. Мало-помалу заграничная жизнь заставила Ивана Васильевича невольно задуматься о своей родине. Думая о ней, он начал ею гордиться, а потом начал ее и любить» [18, с. 333]. В глазах Белинского подобная «история» патриотических чувств свидетельствовала об иллюзорности патриотических убеждений. «Неприянные толки иностранцев о России, – писал он, отзываясь на повесть Соллогуба, – заставили Ивана Васильевича думать о своем отечестве и полюбить его. Черта, вполне достойная *Ивана Васильевича!* <...> Ему нужно, чтобы его толкали извне <...>. Без поездки за границу ему никогда не пришло бы в голову полюбить Россию <...>. Поэтому, как приятно, что <...> это не чувство, а новая мечта его празднующейся фантазии!» [4, с. 828]. И Соллогуб, и Белинский, конечно, метили в людей, мысливших в славянофильском русле. Характеристика Ивана Васильевича отразила противоречия между славянофилами и западниками по вопросу «неприянных толков иностранцев о России». И думается, противоречия эти относились к числу принципиальных.

Противостояние между поклонниками и противниками европейского влияния существовало в России издавна. В XVII в. участие иностранцев во внутренних делах России вызывало недовольство православной церкви. Так, патриарх Иоаким в своем завещании «молил» российских царей, «да возбранят» они «проклятым еретикам иноверцам начальствовать в <...> государских полках»: «Потому что иноверцы с нами, православными христианами, в вере не единомысленны, в преданиях отеческих несогласны, церкви, матери нашей, чужды: какая же может быть помощь от них, проклятых еретиков, православному воинству?» [цит. по: 13, с. 161]. И кажется совершенно справедливым заключение Н. Страхова, что «славянофильство в зачаточных и неясных, хотя иногда и резких, формах обнаруживается с незапамятных времен» – «как естественная реакция своеобразного русского развития против <...> влияния Европы» [19, с. VII]. Однако с петровской эпохи конфликт между

сторонниками пришлое и их противниками превратился в ось идеологической эволюции российского общества и русской литературы.

В 1811 г. сторонники «русского направления» объединились в литературное общество «Беседа любителей русского слова». Патриотическая идеология общества была ориентирована на официальное понимание предмета. Даже структурно Беседа напоминала некий государственный орган, поскольку была сформирована по образцу Государственного Совета [6, с. 22]. В 1815 г. в противовес ей образовалось знаменитое литературное общество «Арзамас». Участники «Арзамаса» со светской легкостью и литературным умением вышучивали своих оппонентов «беседчиков». Среди прочих поводов для иронии был, например, и такой: в 1816 г. С. С. Филатов публиковал в «Чтениях» Беседы статьи, где оспаривал «несправедливые суждения иноплеменных писателей касательно России». По этому случаю Д. К. Кавелин (в «Арзамасе» – «Пустынник»), как полагалось в «Арзамасе», прочел «Похвальное слово» будто бы усопшему Филатову. В «Слове» иронически имитировалось чтение филатовских трудов в Беседе. «Просыпавшиеся от времени до времени, свидетельствуют, – живописал Кавелин, – что в нем (в сочинении Филатова – В. О.) с математической точностью доказано было следующее: “В самой отдаленной древности и едва ли не прежде великого князя Владимира, может быть, даже Рюрика, может быть, даже прежде Арзамаса, российское воинство было образовано столько же хорошо, если не лучше настоящего <...>”. Пробудитесь, возлюбленные, воспряньте на минуту, и я еще крепче усыплю вас – прочтем напечатанное в Архивах Б[еседы] сочинение нашего усопшего: “О несправедливом суждении иноплеменных писателей касательно состояния России до XVIII века”» [2, с. 178].

Между тем, менялись условия, усложнялся идеологический уровень борьбы. К 1840-м гг. из литературного, по сути дела, спора она переросла в одно из острейших идейных противоречий, пронизавших российскую жизнь. И если в 1816 г. ответ «славенофила» на «несправедливые суждения иноплеменных писателей» мог вызывать неприятие со стороны «французоманов» – в первую очередь своей «усыпляющей» формой, то через три десятка лет подобный ответ вызывал западническую критику уже по существу самого вопроса.

Разность взгляда на тактику «ответной рецепции» обуславливалась коренным расхождением идеологических позиций западников и славянофилов. Это легко обнаруживается даже по тому «рецепту» противодействия европейской предвзятости, который предлагал А. С. Хомяков в статьях «Мнение иностранцев о России» (1845) и «Мнение русских об иностранцах»: проникнуться уважением к России, дабы внушить это уважение иностранцам. Этот «рецепт» оказывался косвенным ударом по западникам, которые готовы были критиковать и менять отечественный быт.

Для убедительности обратимся к дневнику А. И. Герцена. В январе 1844 г. Герцен узнал, что в Париже опубликована статья некоего русского, который утверждал, будто во Франции такое количество российских шпионов, что русские не решаются там откровенно беседовать с соотечественниками, опасаясь доноса. «Итак, мы являемся позорнее и позорнее для Европы, – замечал по этому поводу Герцен, – покров за покровом падает, и вместо сильного народа является коленопреклоненная толпа и палач. А славянофилы за надежды, за возможности смотрят с пренебрежением на европейцев <...>. В этом, как и во всем, останутся резкие преграды между нами» [12, с. 144]. В эту пору Герцен был целиком поглощен осмыслением разногласий между западниками и славянофилами и то и дело возвращался к проблеме европейского имиджа России. В декабре того же 1844 г. он записывал в дневнике вопросы, типичные для славянофилов: «Зачем иностранцы нас не понимают, зачем смотрят враждебно, зачем мало занимаются нами <...>?» И тут же отвечал: «Да зачем мы сами не более 15 лет стали заниматься собою как самобытными, да зачем, начавши собою заниматься, вывели одни нелепости? Заниматься кем-нибудь тогда только можно, когда он стоит этого» [12, с. 211]. Смог бы в то время Герцен выполнить рекомендацию Хомякова и проникнуться уважением к тем российским реалиям, которые считал губительными для своей страны, да еще до такой степени, чтобы передать это уважение иностранцам? И стоит ли удивляться тому раздражению, которое вызывали у Герцена славянофильские «рецепты» спасения России и ее европейского престижа? Вместе с тем не стоит забывать, что для Герцена не было свойственным безоговорочно воспринимать в качестве истины

антироссийские выпады зарубежных авторов. После эмиграции в Европу он станет одним из наиболее ярких и последовательных разоблачителей иностранных предвзятых мнений о России.

Несхожесть восприятия западниками и славянофилами современных отзывов европейцев о современной России распространялась и на отношение к зарубежным историческим источникам. В 1857 г. Н. Г. Чернышевский опубликовал в «Современнике» статью по поводу выпущенного П. И. Бартеневым «Собрания писем царя Алексея Михайловича». Чернышевский замечал: «Не лучше ли было бы позаботиться об издании на русском языке важнейших сочинений, написанных о старой Руси иноземцами? По своей драгоценности для изучения нашего старинного быта они важны не менее, нежели наши отечественные источники, быть может, даже важнее их». «<...> Вероятно, найдутся некоторые, – продолжает Чернышевский, – готовые уже возразить: “Но иноземные путешественники большей частью смотрели на нас глазами, предубежденными не в нашу пользу, и слишком мало знали наш быт”. Такое предубеждение против достоверности известий, сообщаемых иностранными писателями о старой Руси, совершенно несправедливо» [21, с. 3], – заключает публицист и в качестве подтверждения своей мысли приводит обширный пересказ очерка о «частном быте русских в XVI – XVII вв., составленный исключительно по иноземным писателям» [21, с. 5].

Подбирая материал, Чернышевский акцентирует внимание на пресловутых «азиатских чертах»: «Подобно народам татарского и монгольского племен, русские считали тучность одним из главных условий красоты» [21, с. 8]. «<...> Говорили, что если в женщине меньше пяти пудов веса, то красавицею ее нельзя назвать. <...> Пристрастие к баням не мешало общему восточному пороку – неопрятности, которая удивляла и смущала иностранцев» [21, с. 9]. «Следствия обычая женить <малолетнего мальчика на взрослой девушке> бывали приятны для свекра, и потому духовенство напрасно усиливало препятствовать подобным бракам». «Нечего говорить о том, – заключает Чернышевский, – что все эти гнусные привычки имели чисто восточный характер» [21, с. 15]. После этого у читателя сам собой напрашивался вывод, что сближение России с Западом было единственным способом

борьбы с «азиатчиной». Нынешним историкам хорошо известно, что приведенные Чернышевским иностранные «известия» о России – это всего лишь элементы европейского мифа о «варварской России», рожденные политическими и национальными амбициями, но никак не стремлением авторов к исторической достоверности. Однако неприятие Чернышевским российской современности заставляло его абсолютизировать «достоверность» иностранных исторических источников в ущерб источникам отечественным, то есть допускать «перехлест», который по своей сути был подобен «перехлесту» славянофильскому: награждать приоритетом доверия лишь отечественные свидетельства. Борьба этих радикальных позиций вела к постепенному осознанию, что объективность исторических представлений предполагает изучение и «своих», и «чужих» свидетельств.

Для Чернышевского цитированная статья не была лишь эпизодическим поводом «задеть» славянофилов и в очередной раз провозгласить собственную западническую позицию. Исследование иностранных источников о российской истории являлось для него и осознанной необходимостью, и делом искреннего, глубокого интереса к познанию объективного хода истории. Это подтверждается среди прочего, например, его вниманием к иностранным сочинениям о Крымской войне. Известно, что он неоднократно выступал с критическими отзывами о них. Но приведем свидетельство, которое выглядит даже более красноречиво, нежели сами печатные работы Чернышевского. Речь идет о воспоминаниях Л. Ф. Пантелеева, где зафиксирована беседа Чернышевского с иркутским жандармским полковником Келером. И любопытно, о чем разговаривали жандарм и знаменитый литератор, а в недавнем прошлом – каторжанин Чернышевский, направлявшийся через Иркутск на поселение в Астрахань. «Когда разговор перешел на участие Чернышевского в “Современнике”, – вспоминает мемуарист, – то он особенно остановился на одной из своих статей, а именно: рецензии на известную книгу Кинглека о Крымской кампании. В течение, может быть, двух часов Н. Г. рассказывал содержание этой книги, и притом с такими подробностями, что можно было подумать, что он сам был участником осады Севастополя, так хорошо знал он расположение бастионов, батарей, частей войск и т. д.» [17, с. 484]. Кажется, такая точность, с какой память Чернышевского сохранила

подробности английского источника, свидетельствует об одном: Чернышевский изучал текст с чрезвычайным вниманием, а значит, сознавал его принципиальную значимость.

При этом неверным было бы полагать, будто славянофилы совершенно игнорировали европейские источники об истории России. Когда, например, К. С. Аксаков написал драму «Освобождение Москвы в 1812 году», то предупредил читателя, что «драма верна <...> относительно исторических лиц» и утверждал, что характер Салтыкова подтверждается отзывами «своих и иностранных писателей» [1, б. с.]. А когда А. С. Хомяков написал драму «Димитрий Самозванец», то предпослал ей эпиграф на французском языке, взятый, как пояснял Хомяков, из старинного сочинения неизвестного европейского автора. «Я думаю, – говорилось там, – что, если бы он (Димитрий – В. О.) вел себя более скромно, не являясь с поляками, женился бы на русской, приспособившись бы к местным правилам, то будь он хуже последнего монаха, корона осталась бы на его голове» [20, с. 278]. Эти слова настолько точно отражают позицию самого Хомякова, что невольно возникает предположение: не является ли текст эпиграфа искусно выполненной Хомяковым имитацией исторического источника?

Как раз во время создания этой драмы выходили в свет «Сказания современников о Дмитрие Самозванце» (1831–1834) Н. Г. Устрялова (на это обращает внимание и Б. Ф. Егоров [20, с. 579]), и Хомяков вполне мог предпринять такую мистификацию, чтобы подчеркнуть близость драмы к актуальным историческим интересам. Кроме того, примерно тогда же, в 1832 г. Хомяков написал стихотворение <В альбом С. Н. Карамзиной>, также предварив его двумя иностранными эпиграфами. Один из них – на английском языке – гласил: «Быть в Петербурге с душой и сердцем – значит, быть одиноким», и был подписан: «Неопубликованное путешествие» [20, с. 100]. Вряд ли стоит сомневаться, что этот эпиграф – шутливая выдумка Хомякова: он чувствовал моду на иностранные источники о России и подтрунил над этой модой, сочинив в альбом Карамзиной изящную мистификацию. Если и эпиграф к «Димитрию Самозванцу» был сочинен самим Хомяковым, то он, конечно, не был салонной шуткой, а являлся

художественным приемом, который придавал драме вид исторической достоверности.

Но даже если эпиграф к «Димитрию Самозванцу» – действительно цитата из исторического источника, то очевидно, что автор выбрал именно то свидетельство, которое подтверждало славянофильский взгляд на факт российской истории. Как Чернышевский подтверждал иностранными источниками необходимость приближения России к европейским нормам жизни, так Хомяков – опасность сближения с Европой. Но дело в том, что как раз иностранные сочинения о России, хоть старинные, хоть современные, в своем большинстве подтверждали позицию западников, а не славянофилов. А потому и получалось, что западники искали в европейском тексте о России, в первую очередь, объективное начало, а славянофилы – субъективно-предвзятое. Из этого проистекало и различие тактических приемов в создании текста «ответной рецепции». Западники брали на вооружение многие «фигуры» европейского текста о России, дабы в исторической перспективе надежно и прочно внушить иностранной публике уважение к России.

Так, в 1849 г. М. А. Бакунин опубликовал в Лейпциге брошюру «Русские дела», где обрушивался на отечественные порядки и использовал при этом формулы европейской публицистики и литературы, обвинял царя в стремлении «использовать к своей выгоде искусственно поддерживаемые иллюзии Европы относительно действительного состояния России» [3, с. 417].» Но, наряду с этим, Бакунин старался внушить европейскому читателю, что в России существуют предпосылки для исправления зла, и одна из них – противостояние русского народа деспотическому порядку вещей. «О русском народе, – заявляет Бакунин, – за границую вообще не имеют никакого представления <...>. Это – величайшая ложь, когда читаешь, что каждое утро 65 миллионов человек молятся за царя и что царский приказ является чем-то неприкосновенным <...>. Никто о нем не думает <...>» [3, с. 405]. По тому же пути чуть позже пошел и А. И. Герцен в знаменитой работе «О развитии революционных идей в России» (1851). Автор мало спорил с европейскими мнениями о самодержавии, о крепостном рабстве, о деспотизме. Смысл брошюры сводился к тому, что европейская критика всех этих российских пороков действительно

справедлива, но Европа не видит за этими пороками позитивного начала, которое заключает в себе русский народ. Вот об этой неизвестной, позитивной стороне российской жизни и рассказывал Европе Герцен, в остальном приняв европейскую критику на собственное вооружение.

ВЫВОДЫ

К середине XIX в. поиск русской литературой приемов и средств воздействия на европейское видение России превратился в животрепещущую задачу, решение которой вело к интенсивной внутрилитературной полемике. Подходы в коррекции российского имиджа, предлагаемые русскими литераторами, зависели от литературных и политических авторских пристрастий. Так, официальная литература приносила в имагологический дискурс элементы государственной идеологии; славянофилы сосредоточивались на поиске в иностранном тексте о России извечной предвзятости, фатальной ненависти и искаженных фактов; западники, напротив, даже признавая мифологичность европейского восприятия России, стремились обнаружить в этом тексте объективное критическое начало, которое, по их мысли, могло бы быть полезным для осмысления российской действительности. В рамках разных идеологических парадигм создавались несхожие тексты «ответной рецепции», которые, тем не менее, сливались в единый общенациональный текст в защиту европейского престижа России.

Список литературы

1. Аксаков К. С. Освобождение Москвы в 1812 году. Драма в пяти действиях [Текст] / К. Т. Аксаков. – М., 1848. – 212 с.
2. Арзамас и арзамасские протоколы [Текст]. – Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. – 304 с.
3. Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем. 1828–1876 гг. [Текст] / М. А. Бакунин. – М.: Изд-во всесоюзного об-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. – Т. 3. – 572 с.

4. Белинский В. Г. Собр. соч. В 3-х т. [Текст] / В. Г. Белинский. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1948. – Т. 2. – 930 с.
5. Боград В. Э. Журнал «Современник». 1847–1866. Указатель содержания [Текст] / В. Э. Боград. – М.- Л.: Худож. лит., 1959. – 826 с.
6. Боровкова-Майкова М. С. Вводная статья к протоколам Арзамаса [Текст] / М. С. Боровкова-Майкова // Арзамас и арзамасские протоколы. – Л., 1933. – С. 21–73.
7. Гаряйнов А. А. Воззвание парижан к нашему царю. 1815 [Текст] / А. А. Гаряйнов // Калужские вечера, или Отрывки сочинений и переводов в стихах и прозе военных литераторов. Собранные А. Писаревым. Ч. I. – М., 1825. – С. 131.
8. Гаряйнов А. А. Восточный вопрос [Текст] / А. А. Гаряйнов. – СПб., 1854. – 68 с.
9. Гаряйнов А. А. Две современности [Текст] / А. А. Гаряйнов. – СПб., 1855. – 36 с.
10. Гаряйнов А. А. Современное представление [Текст] / А. А. Гаряйнов. – СПб., 1854. – 57 с.
11. Гаряйнов А. А. Что такое г. Тьер и нашествие его на Россию [Текст] / А. А. Гаряйнов. – СПб., 1858. – 86 с.
12. Герцен А. И. Сочинения. В 9-ти тт. [Текст] / А. И. Герцен. – М.: Гослитиздат, 1955–1958. – Т. 9.
13. Добролюбов Н. А. Первые годы царствования Петра Великого (История царствования Петра Великого. Н.Устрялов. СПб. 858 г. Три тома). Статья первая [Текст] / Н. А. Добролюбов // Современник, 1858. – Т. LXIX. – № 6. – Отд. II. – С. 138–166.
14. <Добролюбов Н. А.> Что такое г. Тьер и нашествие его на Россию. А. Гаряйнова [Текст] / Н. А. Добролюбов // Современник. – 1858. – Т. LXIX. – № 5. – С. 58–63.
15. Дружинин А. В. Полинъка Сакс. Дневник [Текст] / А. В. Дружинин. – М.: Правда, 1989. – 432 с.
16. Карамзин Н. М. Сочинения: в 2-х т. [Текст] / Н. М. Карамзин. – Л.: Худ. лит., 1983. – Т. 1. – 672 с.
17. Пантелеев Л. Ф. Воспоминания [Текст] / Л. Ф. Пантелеев. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. – 848 с.

18. Соллогуб В. А. Избранная проза [Текст] / В. А. Соллогуб. – М.: Правда, 1983. – 527 с.
19. Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе [Текст] / Н. Страхов. – Киев, 1897. – 465 с.
20. Хомяков А. С. Стихотворения и драмы [Текст] / А. С. Хомяков. – Л.: Советский писатель, 1969. – 594 с.
21. Чернышевский Н. Г. Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением «Устава соколиного пути» и проч., издал Петр Бартенев. Москва. 1856 [Текст] / Н. Г. Чернышевский // Современник, 1857. – Т. LXII. – № 3. – С. 1–18.

TACTICS OF THE LITERARY FIGHT FOR THE RUSSIAN IMAGE IN THE CONTEXT OF THE INTERNAL IDEOLOGICAL POLEMICS OF THE MID-NINETEENTH CENTURY

V. V. Orekhov

Summary. The article presents the examination of the Russian mid-nineteenth century literature respond to European texts about Russia. During this period, Russian literature formed a general response to works by foreign authors about Russia. However, in this process the tactics of Russian writers were different. In Russian literature, there was no unified opinion on how to react to a foreign reception of Russian reality. This gave rise to a sharp polemic within Russian literature. In the article, this polemic is studied in the context of the ideological struggle that embraced Russian society in the nineteenth century. This ideological struggle was reflected in Russian literature. The main participants in this struggle are official patriots, Slavophiles and Westernizers. Each of these parties created its response to European works on Russia. Some certainly criticized European feedback about Russia, others counter posed to it the image of ideal Russia, while others used Western reviews for their own criticism of Russian life. These were different positions. But still the authors were united by the desire to make a better image of Russia and Russia itself.

Keywords: imagology, text, answering reception, national image.

References

1. Aksakov K. S. Osvobozhdenie Moskvy v 1812 Godu. Drama v Pyati Deistviyakh [Liberation of Moscow in 1812. Drama in Five Acts]. M., 1848. 212 p.
2. Arzamas i Arzamasskie Protokoly [Arzamas and Arzamas Protocols]. L.: Izdatel'stvo Pisatelei v Leningrade Publ., 1933. 304 p.
3. Bakunin M. A. Sobraenie Sochinenii i Pisem. 1828–1876. [Collected Works and Letters. 1828–1876]. M.: Izdatel'stvo Vsesoyuznogo Obshchestva Politkatorzhan i Ssyl'no-Poselentsev Publ., 1935. T. 3. 572 p.

4. Belinskii V. G. Sobranie Sochinenii [Collected Works. 3 V.]. M.: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Khudozhestvennoi Literatury Publ., 1948. T. 2. 930 p.
5. Bograd V. E. Zhurnal «Sovremennik» 1847–1866. Ukazatel' Soderzhaniya [The Journal Sovremennik. 1847–1866. Content Index]. M.-L.: Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1959. 826 p.
6. Borovkova-Maikova M. S. Vvodnaya Stat'ya k Protokolam Arzamas [Introductory Article to the Arzamas Protocols]. Arzamas i Arzamasskie Protokoly. L., 1933. P. 21–73.
7. Garyainov A. A. Vozzvanie Parizhan k Nashemu Tsaryu. 1815 [Appeal of the Parisians to our King. 1815]. Kaluzhskie Vechera, ili Otryvki Sochinenii i Perevodov v Stikhakh i Proze Voennykh Literatorov. Sobrannye A. Pisarevym. Ch. I. M., 1825. P. 131.
8. Garyainov A. A. Vostochnyi Vopros [The Eastern Question]. SPb., 1854. 68 p.
9. Garyainov A. A. Dve Sovremennosti [Two Modernities]. SPb., 1855. 36 p.
10. Garyainov A. A. Sovremennoe Predstavlenie [Modern Performance]. SPb., 1854. 57 p.
11. Garyainov A. A. Chto takoe g. T'er i nashestvie ego na Rossiyu [What is Mr. Thiers and his Invasion of Russia]. SPb, 1858. 86 p.
12. Gertsen A. I. Sochineniya. V 9-ti TT. [Works. 9 V.]. M.: Goslitizdat, 1955–1958. T. 9.
13. Dobrolyubov N. A. Pervye Gody Tsarstvovaniya Petra Velikogo (Istoriya Tsarstvovaniya Petra Velikogo. N.Ustryalov. SPb. 858 g. Tri Toma). Stat'ya Pervaya [The First Years of the Reign of Peter the Great (History of the Reign of Peter the Great, N. Ustryalov, St. Petersburg, 858, Three Volumes). Article One]. Sovremennik, 1858. T. LXIX. № 6. S. II. P. 138–166.
14. < Dobrolyubov N. A.> Chto Takoe G. T'er i Nashestvie ego na Rossiyu. A. Garyainova [What is Mr. Thiers and his Invasion of Russia by A. Garyajnov]. Sovremennik. 1858. T. LXIX. № 5. P. 58–63.
15. Druzhinin A. V. Polin'ka Saks. Dnevnik [Polin'ka Saks. A Diary]. M.: Pravda, 1989. 432 p.
16. Karamzin N. M. Sochineniya: v 2-kh T. [Works. 2 V.]. L.: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1983. T. 1. 672 p.

17. Panteleev L. F. Vospominaniya [Memories]. M.: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Khudozhestvennoi Literatury, 1958. 848 p.
18. Sollogub V. A. Izbrannaya Proza [Selected Prose]. M.: Pravda, 1983. 527 p.
19. Strakhov N. Bor'ba s Zapadom v Nashei Literature [The Struggle with the West in Our Literature]. Kiev, 1897. 465 p.
20. Khomyakov A. S. Stikhotvoreniya i Dramy [Poems and Dramas]. L.: Sovetskii Pisatel' Publ., 1969. 594 p.
21. Chernyshevskii N. G. Sobranie Pisem Tsarya Alekseya Mikhailovicha s Prilozheniem "Ustava Sokolinogo Puti" i Proch., Izdal Petr Bartenev. Moskva. 1856 [A Collection of Letters by Tsar Alexei Mikhailovich with the Appendix "Charter of the Falconry", etc., Published by Peter Bartenev. Moscow. 1856]. Sovremennik, 1857. T. LXII. № 3. P. 1–18.